

Психологические науки

УДК 316.624 + 159.99

СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ XXI ВЕКА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

М.И. Кошенова

Новосибирский государственный педагогический
университет (Новосибирск, Россия);

В.И. Волохова

Новосибирский государственный педагогический
университет (Новосибирск, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы суицидального поведения подростков. Анализируются ключевые предикторы суицидов, мифы о причинах их возникновения, распространенные, прежде всего, в современном российском обществе и препятствующие эффективной профилактике самоубийств. Особое внимание уделяется проблеме социального моделирования суицидального поведения, в том числе в сети Интернет, а также анализу недостаточно рефлекслируемых профессиональным сообществом педагогов и психологов рисков образовательной среды.

Ключевые слова: суицид, суицидальное поведение, идентичность, психологический кризис, подросток

UDC 316.624 + 159.99

SUICIDE BEHAVIOUR OF TEENAGERS OF XXI CENTURY: MYTHS AND REALITY

M.I. Koshenova

Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia)

V.I. Volokhova

Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia)

Abstract: The article considers topical issues of suicide behavior of teenagers. There analyzed the key predictors of suicides, myths about the reasons of their emergence distributed, first of all, in modern Russian society and interfering effective prevention of suicides. Special attention is paid to a problem of social modeling of suicide behaviour, including the Internet and also to the analysis of not enough reflexed by professional community of teachers and psychologists of risks of the educational environment.

Keywords: suicide, suicide behaviour, identity, psychological crisis, teenager

В XXI веке на смену первоочередной необходимости справляться с голодом, эпидемиями и войнами приходит острая необходимость эффективного предупреждения суицидов, добровольного отказа от жизни, в том числе в ситуации экономического благополучия; на смену борьбе за выживание приходит задача борьбы за жизнь.

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) ежегодно более 800 000 человек кончают жизнь самоубийством, то есть один человек каждые 40 секунд. А самоубийство – это вторая ведущая причина смерти среди молодых людей [4]. Вполне закономерно ВОЗ считает предупреждение суицидального поведения граждан приоритетом общественного здравоохранения. В 2014 году был опубликован первый доклад ВОЗ о самоубийствах в мире, озаглавленный «Предотвращение самоубийств: глобальная императива» для того, чтобы улучшить понимание общественным здравоохранением значения самоубийств и их попыток и сделать предотвращение самоубийств одним из наиболее приоритетных вопросов в

глобальной повестке дня общественного здравоохранения [4]. Эффективная профилактика не возможна без ответа на вопросы: «С чем связана такая форма деструктивного поведения? Почему число смертей в результате самоубийств превышает число погибших на войне и в результате насильственной смерти (о чем неумолимо свидетельствует статистика)?». Статус «приоритета общественного здравоохранения» тем не менее не снижает количества смертей и не позволяет хотя бы снизить остроту данной проблемы.

В настоящее время, во всяком случае в России, предпринимается колоссальное количество превентивных мер, предусматривающих профилактику суицидального поведения подростков (традиционно представляющих группу потенциального риска) на различных уровнях: медиация в школе [14], творчество, спорт, научные исследования [12], классные часы, групповые тренинги, волонтерство [5], работа с педагогическим коллективом и семьей как неотъемлемая часть профилактики [10]. Тем не менее, проблема суицидов, в том числе и несовершеннолетних, остается по-прежнему актуальной. Из различных регионов России периодически поступает информация о подростковых суицидах, которые связывают то со школьным моббингом, то с несчастной любовью, то с конфликтами с родителями или страхом перед инициацией в формате ЕГЭ. Ну и, конечно же, не обходится без указания на «Великого виновного» во всем, что происходит с детьми и подростками, – интернета. На наш взгляд, даже причины совершения самоубийств, традиционно выделяемые суицидологами, требуют более тщательного анализа с учетом современных реалий.

Генетическая предрасположенность к самоубийствам [10]. Выделение данной причины означает, что существует специальный ген, отвечающий за самоубийства. Ключевым аргументом в пользу наличия генетической предропределенности самоубийств называют

факт того, что суицидальное поведение достаточно часто имеет «длинную семейную историю». Мы полагаем, что в данном случае целесообразно говорить не столько о генетической предрасположенности, сколько о включении идентификационных механизмов, о выборе способа решения проблем из предложенных ранее другими членами рода. Конечно же, мы не отрицаем возможного влияния нейробиологических или биохимических факторов, которые могут вызывать депрессию, а, следовательно, и неконструктивные варианты разрешения психологически труднопереносимых состояний. Но в то же время мы не готовы согласиться с весьма распространенным в практике российского здравоохранения и образования объяснения любой суицидальной попытки исключительно ментальной инвалидизацией. Так, например, существующий в Новосибирской области с 2017 года «Регламент межведомственного взаимодействия территориальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в городе Новосибирске с ГБУЗ НСО «Новосибирский областной детский клинический психоневрологический диспансер» при оказании помощи несовершеннолетним до 18 лет с суицидальным поведением» фактически предусматривает обязательное направление несовершеннолетних с суицидальной попыткой любого характера к психиатру и, в случае необходимости (которая, как правило, неотвратима) помещение в условия стационара, причем стационара психоневрологического. Объективно, с учетом возрастной ситуативности мышления и поведения подростков, а тем более в ситуации шантажного суицида, как показывает наш опыт, гораздо эффективнее работать вне стационара, причем, как правило, со всей семейной системой. Даже оставив «за кадром» влияние не всегда адекватно подобранных медицинских препаратов, отметим сам факт

деструктивного влияния «ярлыкования», который влияет и на восприятие подростка в системе межличностных отношений (в семье, в образовательном учреждении), вплоть до стигматизации, и на его самовосприятие, снижение веры в самооэффективность.

Материальные трудности. Означает ли это, что раньше в обществе материальных трудностей не было, а сейчас, в XXI столетии, материальная несостоятельность настолько велика по сравнению с XVII или XX веком, что умереть по причине суицида стало вероятнее, чем от рук террориста или эпидемиологического заболевания? Вероятно, речь идёт о психологическом переживании этих материальных трудностей, способности справиться с ограничениями, которые могут носить временный или затяжной характер. Добавим к этому, что информационная среда XXI века характеризуется иллюзорно безграничными возможностями для субъекта: он может круглосуточно заказать еду прямо к себе домой; ребёнок не находится в ожидании того, пока мама сварит кашу, так как она в случае необходимости открывает готовую баночку с пюре; круглосуточные супермаркеты позволяют в любое время дня и ночи получить то, что хочется. Не нужно ждать открытия магазина, сбора урожая осенью и наступления лета. Современные рекламные лозунги гласят: «Получи всё и сразу», «Ты достоин не ждать» и т.д. Желание обладать всем и сразу, постоянная «заточенность» на потребление и обладание усугубляют остроту переживания невозможности получения вещи, развлечения и, связанного со всем этим, пусть и иллюзорного, но высокого социального статуса. Подросток, испытывающий чувство субъективной или реальной обделенности материальными благами достаточно часто выбирает девиантную форму поведения либо по принципу «отобрать у другого», либо по принципу «отобрать у себя жизнь», потому что такая она «мне не нужна» или «я ей не нужен».

Зависимости от психоактивных веществ.

Общеизвестно, что чрезмерное употребление алкоголя влечет за собой разрушительные последствия. Однако у многих людей риск самоубийства не обязательно возникает как итог тяжелой зависимости. Случаи чрезмерного употребления алкоголя и опьянения обуславливают риск несчастных случаев, насилия и самоубийства в силу снижения способности к контролю своих побуждений и конструктивному мышлению. Алкоголь способствует серьезному нарушению когнитивных способностей и, как следствие, утрате гибкости мышления и возможности принимать альтернативные решения. Как правило, совершение самоубийства происходит в состоянии опьянения при наличии множества накопившихся проблем [13]. Справедливо это утверждение и в отношении подростков: алкоголь – не причина, алкоголь – «фасилитатор» суицида. Тем не менее важно учитывать, что подросткам свойственны психологическая неустойчивость, перепады настроения; они особо уязвимы в психофизиологическом плане, толерантность к алкоголю значительно ниже, чем у взрослого, и потому подросток, оказавшийся в трудной жизненной ситуации, в состоянии депрессии или «тунельного сознания», даже при незначительных дозах алкоголя способен на принятие необратимого решения. В то же время подросток с выраженной алкогольной зависимостью чаще убивает себя иным способом – повышая дозу алкоголя, но не с целью прекратить страдания, а получить удовольствие.

Необходимо отметить и тот факт, что при употреблении ингалянтов (достаточно популярный способ получения суррогатных эмоций у подростков из социально необеспеченных слоев, как правило, депрессивных районов) смертельный исход – это не самоубийство, а результат неосторожности. Но слово «суицид» сегодня стало популярным, и именно им также зачастую пытаются обозначить трагичные случайности.

Суицид как феномен психологического кризиса. Считается, что суициды учащаются во время праздников. Опечаленные распадающимися семьями, смертями, непереносимым одиночеством, социальными или экономическими неудачами люди обнаруживают, что «счастливый сезон» не приносит ожидаемой радости. В отчаянии они могут решить покончить с собой [16].

Рассмотрение данной причины как будто позволяет нам предположить, что в XX-XXI веке психотравмирующих событий стало больше, меньше возможностей социальной адаптации в связи с утратой или угрозой утраты, отрицательные эмоции стали переживаться интенсивнее и так далее. Однако комфорт в жизни, способы передачи коммуникаций, несомненно, стали выше и лучше. Если бы в нашу современность заглянул крестьянин из XVII века, то он бы сказал, что человечество живёт в раю – все условия комфортного проживания созданы. Но тем не менее эти условия не влияют на уменьшение переживания одиночества, обиды или психологической травмы. Чем обусловлен такой «обратный» эффект технического прогресса? Дело в том, что перед личностью XXI века и, например, XVI столетия были поставлены разные вопросы осмысления собственной жизни. Вместо вопроса: «Что мне нужно сделать, чтобы выжить?», в нашей современности поставлен вопрос: «Зачем я живу?». Это, безусловно, тотальная разница.

Справедливо ли это для подростков? Наиболее точно, на наш взгляд, на этот вопрос отвечает А.Л. Венгер (2008), отмечающий резкое обострение кризиса подросткового возраста, вызванное «нарушением связи поколений, отсутствием адекватных форм «окультуривания психики» [2]. Он также подчеркивает: «Подростковый возрастной период... не имеет адекватной ему ведущей деятельности. Её выработка происходит стихийно, причем в большей мере со стороны самих подростков, чем взрослой части общества. Поэтому она часто приобретает не столько общественно-

полезные, сколько «общественно-вредные» формы, что несет в себе угрозу крайне неблагоприятных социальных последствий» [2]. Вполне закономерно, что аутоагрессия, наряду с агрессией, в настоящее время достаточно часто становится вариантом неконструктивного разрешения кризиса, и суицид является лишь одним из способов аутоагрессивной реализации подростков.

Развитие информационной системы (воздействие сети Интернет на суицидальное поведение). В связи с информатизацией современного общества суицидальное поведение молодежи изменилось. Данную причину рассматривают с точки зрения, как минимум, трёх аспектов: виртуальное общение, социальное моделирование суицидального поведения в СМИ и кибербуллинг [6]. Явно выраженное в российском обществе стремление демонизировать сеть Интернет, особенно по отношению к подросткам, препятствует объективной оценке его влияния на формирование суицидального поведения.

Виртуальное общение часто рассматривают как эрзац-коммуникацию, препятствующую полноценной социально-психологической адаптации. Суждение не лишено оснований, но для кого-то такое общение остается единственным способом преодоления социальной изоляции и полем возможности экспериментирования с идентичностью, что тоже важно, особенно для подростков.

Кибербуллинг действительно стал частью современной социальной реальности, хотя по-прежнему по мере распространенности уступает тому же школьному буллингу [7; 8; 9], и, в отличие от последнего, хотя бы позволяет прервать унижительный или угрожающий контакт по собственной инициативе, а, следовательно, и ситуация психологического прессинга именно объективно является менее безысходной.

Особого внимания требует проблема социального моделирования суицидального поведения в сети Интернет.

Большой вопрос, который не соответствует сегодняшнему мейнстриму, но явно имеет право на существование: таят ли в себе значительную угрозу сайты, содержащие информацию о суициде, или же просмотр специфического контента выполняет функцию своеобразного «катарсиса», позволяет снять имеющееся напряжение тем, кто входит в потенциальную группу риска и потому активно ищет соответствующую тематику? Особую остроту проблема влияния сетевых сообществ на формирование суицидального поведения приобретает, когда речь заходит о подростках. И неважно, что сегодня уже понятно, что печально известный «Синий кит» – это скорее широкомасштабный фейк, чем реальный «агент влияния», о чем сразу говорили практики, работающие с подростками-суицидентами, но и сегодня очень немногие знают, что Филиппу Лису (он же Филипп Будейкин), организатору группы «Синий кит», вынесен приговор только за 2 эпизода провокации (изначально фигурировало 15) в отношении девочек 15 и 16 лет, но и в том, и в другом случае до суицида дело не дошло. Мы ни в коем случае не умаляем меру виновности организатора «группы смерти» и трагичность смерти или возможного риска суицида, тем более несовершеннолетнего, но мы предлагаем сравнить масштаб шумной реакции в обществе и реального положения дел. И самое важное: предлагаем отразить, что многие подростки благополучно вышли из «рискованной игры», или вообще не нашли в ней ничего для себя привлекательного. Потенциальный жертвы имели в анамнезе традиционный набор причин, повышающих суицидальный риск: отсутствие эмоциональной поддержки в семье, не сложившиеся или эмоционально напряженные отношения со сверстниками, негативное самовосприятие, психотравмирующий опыт, страх насилия, – и все это приобреталось не в виртуальном, а во вполне реальном мире социальных отношений. Но все выше обозначенное ни в коей мере не отменяет необходимости выявления и сурового

наказания организаторов подобных групп и целенаправленного обучения детей и подростков безопасному поведению в сети [11].

Считаем важным отметить, что ещё одной причиной включения в «группы смерти», так же как и в группы А.R.G. – многовариативных игр альтернативной реальности – новой интернет-площадки, не только с суицидальными, но и экстремистскими посланиями – является свойственный подросткам интерес к игровому действию, тайнам альтернативного взрослому пространства и склонность к рискованному экспериментированию. И вновь мы вынуждены констатировать, что в современном российском обществе варианты поисков ответов на вопросы «Кто я?» и «Какой я?» весьма ограничены. По-прежнему для подростков из социально необеспеченных семей остаются недоступными платные спортивные секции и творческие студии, дополнительные образовательные площадки или познавательные квесты. Очевидно, что прогнозы А.Л. Венгера о рисках формирования «общественно-вредной» деятельности подростков в условиях «отсутствия адекватных форм «окультуривания психики»», высказанные им в 2008 году, в настоящее время нашли своё реальное воплощение.

«Синдром Вертера» («эффект заражения»). Специалистами давно обсуждается вопрос о влиянии средств массовой информации, например, статей в газетах или показов по телевизору конкретных случаев «сведения счетов с жизнью» на суицидальное поведение молодых людей. Считается, что публикации в СМИ о суицидах могут вызвать подражающие самоубийства в соответствующей возрастной или социальной группе, часто называемые «эффектом заражения» или «синдромом Вертера» (по имени героя романа XVIII в., написанного Иоганном Вольфгангом фон Гёте) [3].

Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор)

опубликовала рекомендации по особенностям освещения в СМИ случаев самоубийств. В данный момент рекомендации имеют статус проекта для последующего обсуждения. В проекте обозначен ряд специфических характеристик, которые могут усиливать контагиозность суицидальных действий. К ним относятся, например, помещение репортажей о суициде на первые полосы изданий, использование крупного шрифта и указание на суицид в заголовке, дополнение репортажа фотографиями с места трагедии, регулярность освещения случаев конкретных суицидальных актов, романтизация суицида и представление его как «неожиданного акта совершенно здорового человека», придание событию сенсационного оттенка. В проекте обозначены практические рекомендации специалистам СМИ, среди которых информация о том, чего следует избегать в сообщении о самоубийстве, как следует сообщать о факте самоубийства, рекомендации к языку, стилистике и терминологии сообщений о самоубийстве [15]. В настоящее время, с учетом того факта, что документ имеет статус проекта, СМИ выполняют рекомендации на своё усмотрение. Например, часть из них использует слова «суицид» и «самоубийство», другие прибегают к эвфемизмам («выпал из окна», «упал с... этажа», «попал под поезд» и пр.). Необходимо заметить, что сообщения подобного рода вызывают повышенный интерес читателей, пытающихся выяснить, о чем идет речь: о суициде или несчастном случае (именно об этом свидетельствуют комментарии в интернет-ресурсах). Таким образом, часть рекомендаций при их воплощении в практику вызывает обратный эффект. Тем не менее, в документе содержатся и вполне разумные меры профилактики: СМИ предлагается вместо освещения конкретных случаев суицидальных актов, направить деятельность специалистов на распространение образовательной информации о депрессии, признаках суицидального риска, способах психологической помощи и

лечения психических расстройств, предоставляя информацию о местных ресурсах социальной, психологической, психотерапевтической и психиатрической помощи [15]. При всем том, как свидетельствует практика, и в настоящее время проблема информирования о возможных ресурсах помощи по-прежнему является одной из самых острых.

Образовательная среда как триггер. Большая часть времени современного ребёнка связана с образовательным учреждением, поэтому множество вопросов возникает к безопасности образовательной системы. Образовательная среда есть психолого-педагогическая реальность, содержащая специально организованные условия для формирования личности. Если данная реальность включает в себя психологическое насилие, неудовлетворённость образовательной средой, отсутствие доверительного взаимодействия с воспитателем/учителем и участниками образовательного процесса, эмоциональный дискомфорт, то она становится патогенной. Причём риски формирования суицидального поведения образуют комплекс, связанный с личностью ребёнка, с личностью педагога, с управлением образовательного учреждения и с организацией учебно-воспитательного процесса [1]. Школьный буллинг, конфликты с учителями и сверстниками, системная неуспешность в учении и «выученная беспомощность» – питательная почва для суицидальных мыслей и намерений подростков. Но есть специфический провокативный фактор, порожденный актуальной ситуацией – это бездумное (почти безумное) тотальное диагностирование всех школьников и студентов колледжей, а также начальных курсов вузов на склонность к суицидальному поведению. В данном случае существует, как минимум, две проблемы. Первая связана с качеством диагностического материала, который якобы «замеряет» риски возникновения суицидального поведения, а объективно в большинстве случаев не обладает ни достаточной валидностью, ни достаточной надёжностью. В

связи с этим озвучиваемые на научно-практических конференциях данные о склонности к суицидам от 50 % до 80 % подростков общеобразовательных школ все же актуализируют не вопрос о том, не пора ли открывать все школы при психиатрических больницах, а о том, какой смысл в применении некачественных измерителей, навешивании ярлыков, создании стигматизированных групп и планирования несоответствующих превентивных и корректирующих мер. Вторая проблема менее очевидна, но она имеет немаловажное значение: системная актуализация темы суицидов приводит к фиксации на самоубийстве как возможном варианте разрешения проблемной ситуации, о чём прямо сообщают рефлексирющие студенты и старшеклассники.

В заключении считаем необходимым отметить, что анализ актуального состояния проблемы подросткового суицида показывает, что XXI век вносит свои коррективы в предикторы и формы суицидального поведения подростков. Особо подчеркнём, что в связи с тем, что тревожность, ощущение безысходности и признаки депрессии у подростков коррелируют с эмоциональным дискомфортом и неуверенностью в завтрашнем дне взрослых [8; 9], экономический и социальный кризис в России, переживаемый взрослым населением в настоящее время с большой долей вероятности приведет к росту подросткового суицида, значительно большему, чем провоцировали «группы смерти».

Список литературы

1. *Богомягкова О.Н.* Комплексный подход в профилактике суицидов и суицидальных рисков несовершеннолетних. Технологическая маршрутизация. Методическое пособие. Пермь, 2017. 371 с. [Электронный

ресурс]. URL: <https://Метод-пособие-суицид.pdf> (дата обращения: 23.01.2019).

2. Венгер А.Л. Ребенок в обществе: исторический кризис детства [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 3 – 12. URL: <http://www.vash-psiholog.info/voprospsih/213/17696-rebenok-v-obshhestve-istoricheskij-krizis-detstva.html> (дата обращения: 02.02.2019).

3. Вихристюк О.В., Банников Г.С., Летова А.В. Средства массовой коммуникации в системе предиктов суицидального поведения в подростковом возрасте // Психологическая наука и образование. 2013. № 1. С. 121 – 130.

4. Вопросы здравоохранения. Самоубийства. [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/topics/suicide/ru/> (дата обращения: 03.12.2018).

5. Гусева Н.Б. Технологии работы с подростками, склонными к суициду // Педагогика и психология: перспективы развития. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции /Редколлегия: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. С. 27 – 30.

6. Ключко Е.И. Воздействие интернета на суицидальное поведение молодежи // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 1 (30). С. 1 – 4.

7. Кошенова М.И. Моббинг как маркер системного неблагополучия современного российского общества? // Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное: Монография / Под науч. ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: НГПУ, 2017. С. 53 – 69.

8. Кошенова М.И. Несовершеннолетние правонарушители: лечить, наказывать или... ищем другие варианты? // Современная социальная реальность: вызовы,

риски, перспективы: Монография / под научной ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: НГПУ, 2019. С. 85 – 99.

9. *Кошенова М.И.* «Проблемные зоны» сохранения психологического и социального здоровья школьников в период подростничества // Инновации в медицине, психологии и педагогике: Материалы VII Международной научно-практической конференции (Вьетнам, МуйНэ, 27 апреля – 7 мая 2016 г.) / Под науч. ред. М.Г. Чухровой, О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: «Немо Пресс», 2016. С. 229 – 234.

10. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Речь, 2009. 256 с.

11. *Мантикова А.В., Чупров Л.Ф., Кошенова М.И.* Безопасность детей и подростков в интернет-пространстве: мифы, реальность, практические рекомендации // Современная реальность в социально-психологическом контексте: сборник научных материалов // под науч. ред. О.А. Белобрыкиной, М.И. Кошеновой. Новосибирск: НГПУ, 2018. С. 138 – 147.

12. *Милова И.Е., Добромыслова З.В.* О некоторых вопросах правового противодействия подростковому суицидам // Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара: СЮИ ФСИН, 2018. С. 186 – 189.

13. Напрасная смерть: причины и профилактика самоубийств / Ред. Д. Вассерман; пер. Е. Ройне. М.: Смысл, 2005. 310 с.

14. *Осинов Г.В., Онипченко О.Г.* Медиация как способ профилактики суицидального поведения в школе // OPEN INNOVATION: сборник статей II Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. С. 221 – 224.

15. О разработке рекомендаций по особенностям освещения в СМИ информации о случаях самоубийства от

18.04.2016 [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

URL: https://rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=6243 (дата обращения: 10.12.2018).

16. Суицид как феномен психологического кризиса среди детей и подростков: Сборник информационно-методических материалов для психологов государственных учреждений социального обслуживания Краснодарского края / Сост. О.В. Ганман. Краснодар, 2012. 80 с.

17. Юрьева Л.Н. Клиническая суицидология: Монография. Днепрпетровск: Изд-во Пороги, 2006. 472 с.

References

1. Bogomyagkova O.N. Kompleksny`j podxod v profilaktike suicidal`ny`x riskov nesovershennoletnix. Tekhnologicheskaya marshrutizaciya. Metodicheskoe posobie. Perm`, 2017. 371 p. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://Metod-posobie-suicid.pdf> (data obrashheniya: 23.01.2019).

2. Venger A.L. Rebenok v obshhestve: istoricheskij krizis detstva [E`lektronny`j resurs] // Voprosy` psixologii. 2008. № 4. Pp. 3 – 12. URL: <http://www.vash-psiholog.info/voprospsih/213/17696-rebenok-v-obshhestve-istoricheskij-krizis-detstva.html> (data obrashheniya: 02.02.2019).

3. Vixristyuk O.V., Bannikov G.S., Letova A.V. Sredstva massovoj kommunikacii v sisteme prediktov suicidal`nogo povedeniya v podrostkovom vozraste // Psixologicheskaya nauka i obrazovanie. 2013. № 1. Pp. 121 – 130.

4. Voprosy` zdavooxraneniya. Samoubijstva. [E`lektronny`j resurs] //Vsemirnaya organizaciya zdavooxraneniya. URL: <https://www.who.int/topics/suicide/ru/> (data obrashheniya: 03.12.2018).

5. Guseva N.B. Tekhnologii raboty` s podrostkami, sklonny`mi k suicidu // Pedagogika i psixologiya: perspektivy`

razvitiya. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii /Redkollegiya: O.N. Shirokov [i dr.]. Cheboksary: Centr nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv plus», 2017. Pp. 27 – 30.

6. *Klyuchko E.I.* Vozdejstvie interneta na suicidal'noe povedenie molodezhi // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. 2014. № 1 (30). Pp. 1 – 4.

7. *Koshenova M.I.* Mobbing kak marker sistemnogo neblagopoluchiya sovremennogo rossijskogo obshchestva? // Social'no-psixologicheskaya ocenka riskov sovremennoj real'nosti: ochevidnoe i veroyatnoe: Monografiya / Pod nauch. red. O.A. Belobry'kinoy. Novosibirsk: NGPU, 2017. Pp. 53 – 69.

8. *Koshenova M.I.* Nesovershennoletnie pravonarushiteli: lechit', nakazyvat' ili... ishhem drugie varianty? // Sovremennaya social'naya real'nost': vy'zovy, riski, perspektivy: Monografiya / pod nauchnoj red. O.A. Belobry'kinoy. Novosibirsk: NGPU, 2019. Pp. 85 – 99.

9. *Koshenova M.I.* «Problemny'e zony» soxraneniya psixologicheskogo i social'nogo zdorov'ya shkol'nikov v period podrochnichestva // Innovacii v medicine, psixologii i pedagogike: Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (V'etnam, MujNe, 27 aprelya – 7 maya 2016 g.) / Pod nauch. red. M.G. Chuxrovoj, O.A. Belobry'kinoy. Novosibirsk: «Nemo Press», 2016. Pp. 229 – 234.

10. *Lichko A.E.* Psixopatii i akcentuacii xaraktera u podrostkov. SPb.: Rech, 2009. 256 p.

11. *Mantikova A.V., Chuprov L.F., Koshenova M.I.* Bezopasnost' detej i podrostkov v internet-prostranstve: mify, real'nost', prakticheskie rekomendacii // Sovremennaya real'nost' v social'no-psixologicheskom kontekste: sbornik nauchny'x materialov //pod nauch. red. O.A. Belobry'kinoy, M.I. Koshenovoj. Novosibirsk: NGPU, 2018. Pp. 138 – 147.

12. *Milova I.E., Dobromyslova Z.V.* O nekotory'x voprosax pravovogo protivodejstviya podrostkovym suicidam

//Al'manax nauchny`x trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii. Samara: SYuI FSIN, 2018. Pp. 186 – 189.

13. Naprasnaya smert: prichiny` i profilaktika samoubijstv / Red. D. Vasserman; per. E. Rojne. M.: Smy`sl, 2005. 310 p.

14. Osipov G.V., Onipchenko O.G. Mediatsiya kak sposob profilaktiki suicidal'nogo povedeniya v shkole // OPEN INNOVATION: sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2 ch. Ch.1. Penza: MCzNS «Nauka i Prosveshhenie», 2017. Pp. 221 – 224.

15. O razrabotke rekomendacij po osobennostyam osveshheniya v SMI informacii o sluchayax samoubijstva ot 18.04.2016 [E`lektronny`j resurs] // Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere zashhity` prav potrebitelej i blagopoluchiya cheloveka. URL:

https://rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=6243 (data obrashheniya: 10.12.2018).

16. Suicid kak fenomen psixologicheskogo krizisa sredi detej i podrostkov: Sbornik informacionno-metodicheskix materialov dlya psixologov gosudarstvenny`x uchrezhdenij social'nogo obsluzhivaniya Krasnodarskogo kraja / Sost. O.V. Ganman. Krasnodar, 2012. 80 p.

17. Yur`eva L.N. Klinicheskaya suicidologiya: Monografiya. Dnepropetrovsk: Izd-vo Porogi, 2006. 472 p.

Сведения об авторах

Марина Ивановна Кошенова, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной психологии и виктимологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; Россия, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28; e-mail: koshenova.m.i@gmail.com

Валентина Игоревна **Волохова**, старший преподаватель кафедры социальной психологии и виктимологии, зам. декана по УВР факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; Россия, Новосибирск, ул. Виллюйская, 28; e-mail: nargiza113@yandex.ru